

Экран ч
сцен. -
1997 - 20 -
И - 27
нояб. -
- с. 7

И, чтобы сразу рассеять возможное недоумение, уточняю: не какого-нибудь другого, а Иосифа Яковлевича Боярского, которому только что исполнилось 80 лет, и шестьдесят из них он женат на своей первой и единственной жене Зое Константиновне, с которой знаком... забыла, с какого именно класса начальной школы, но в любом случае не меньше семидесяти лет.

Начала писать и призадумалась: кому, собственно, я собираюсь обо всем этом рассказывать? Не хочется, конечно, повторять такие банальности, но и в самом деле, кто не знает Боярского, тому все равно не понять, а кто знает – те были на юбилее. Правда, были не все – некоторые не смогли приехать, кому-то работа помешала, кто-то приболел. А может, и тем, кто был, потом будет приятно вспомнить, может, и мне самой? Будем считать, что это запись в дневнике или что-то вроде.

А я люблю Боярского...

Почти за год до юбилея, прошлой зимой на фестивале анимационного кино в Тарусе Боярскому дали приз (такой же приз, кстати, дали еще одному замечательному юбиляру и ровеснику Иосифа Яковлевича – Федору Самельевичу Хитруку, а больше никому и, насколько я знаю, никогда). Формулировка была гениальная: “За что? – А за то! – А почему? – А потому!”. Кажется, нигде не наврала... По-моему, это высшее признание, какое может быть: наградить человека не за заслуги в области чего-то там, а за то, что он – это он. Можно, я не буду упоминать прошлые и настоящие официальные должности Иосифа Яковлевича на “Союзмультфильме” и Высших курсах? Не в них дело. Дописав до этого места, я остановилась и стала вспоми-

ных, что, собственно, было сказано в календаре Дома кино насчет юбиляра? Как его там объявили? Пошла посмотреть. Знаете, кого нам предложили чествовать? “Великого ровесника Октября”! И два часа в зале, а потом еще несколько часов в неофициальной обстановке говорили не о заслугах перед отечественной и мировой анимацией (или мультипликацией – кому как больше нравится), а о том, как же мы его, Боярского, любим. Говорят, когда-то Иосиф Яковлевич был грозен, на Высших курсах гонял чужих из просмотрового зала – сама я это уже застала только в виде легенды. Зато обращение “ласточка” неизменно, и зал на вопрос “какое любимое слово у Иосифа Яковлевича?” ответил дружно и без раздумий. Ласточек слетелось видимо-невидимо. Были ласточки заслуженные, такие, как Раиса Фричинская

и Наталья Абрамова (не только! не только они! но всех не перечислить) и ласточки совсем юные, целый гарем, не хуже, чем в “Белом солнце пустыни”. Были ласточки залетные – украинская делегация. Кстати, именно украинцы в Тарусе дали Боярскому тот самый приз с гениальной формулировкой. Так вот, эти ласточки были почти настоящие – с хвостиками и клювиками. Подарили, среди прочего, паспорт (остался кто-нибудь из своих, кто не видел паспорт Боярского с национальностью “еврейка”? – так теперь он еще и украинка!); подарили в комплекте с паспортом украинский национальный костюм, чтобы уж ни у кого сомнений не оставалось. Вообще надарили много всего, я сильно подозреваю, что Иосиф Яковлевич до сих пор эту гору разбирает, но среди всего этого не было, кажется, ни одного парадно-юбилейного предмета. И речей не было, были анекдоты и всякие истории, был, конечно, Миша Тумеля с балалайкой. На этот раз к балалайке был приделан штык. Белорусская делегация в составе упомянутого Тумели и Волчека закосила под партизан, а поздравление называлось “Главные песни о старом”. Многие женщины, не выдержав, публично признавались Боярскому в любви – да, собственно, это делала каждая из выходивших на сцену к микрофону. Другие, более застенчивые, делали то же самое, но позже, когда закончилась официальная часть, в которой на самом деле не было ровным счетом ничего официального. А, собственно, я сама что делаю? Тоже пишу про любовь. Кстати, заголовок – не только робкое признание, это цитата из песни, которую мы там пели, насчет большого количества золотых огней и холостых парней. Немножко не в рифму выходило, зато от души.

Я не делю людей на молодых и ста-

рых, тем более – по паспорту. Иосиф Яковлевич, по собственному его признанию, чувствует себя примерно пятидесятилетним. Мне не хочется дальше развивать эту тему, потому что пришлось повторять тысячу раз сказанное до меня по разным поводам – что молодость духа... интерес к жизни... ну, и так далее, хотя все это правда. Мы с Боярским соседи, живем в одном дворе, поэтому иногда встречаемся на улице. Иногда он, на ходу поздоровавшись, мчится дальше, иногда, если время есть, останавливается и рассказывает, какие книги купил. И что самое удивительное, успевает их читать, покупать-то мы все умеем. Не знаю, надо ли упоминать, что Иосиф Яковлевич книги не только читает, но и пишет, опять же вроде все знают.

Я так чувствую, что пора бы уже остановиться: отчет о юбилее был, признания были, восторги были, еще немного – и перейду к излишним подробностям. Закругляюсь. И, поскольку эта газета уж точно попадет к Боярскому, я об этом позабочусь, позволю себе прямо к нему и обратиться. Иосиф Яковлевич! Вы и так знаете, что я вас обожаю, но хочется еще раз об этом напомнить. И подписаться под этим –

Ваша ласточка
Александра ВАСИЛЬКОВА